

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 630*232(049.3)

ВЕСЬМА ПОУЧИТЕЛЬНАЯ КНИГА

В конце 1986 г. в Московском издательстве «Агропромиздат» вышла книга «Рукотворные леса», написанная профессорами Г. И. Редько и И. В. Трещевским (недавно ушедшим из жизни). В одиннадцати главах авторы представляют широкую географию достижений старых русских лесоводов — от Приазовья до Архангельска и от Сестрорецка до Урала. Открывается книга обстоятельным очерком истории искусственного лесовосстановления и лесоразведения в России, начиная с XVI в. и кончая 50-ми гг. нашего столетия. Наиболее обстоятельно и подробно рассмотрен опыт создания Линдуловской лиственничной рощи, культур К. Ф. Тюрмера в Подмоскowie, Тульских засек и лесокультурное дело в Лисинском учебно-опытном лесхозе — исторической научной базе многих поколений лесоводов — воспитанников Лесного института.

Книга, состоящая из разрозненных очерков, в сущности дает весьма целостную картину богатого лесокультурного прошлого нашей страны. Целостность эта проистекает от двух главных причин. Во-первых, где бы ни создавались культуры, везде лесное опытное дело отличалось исключительной тщательностью, продуманным выбором вариантов, научным подходом. Во-вторых, десятки людей, имена которых названы в книге, работавших в разное время и в разных районах, выступают как единомышленники.

Убедительно, при помощи существенных фактов и мелких штрихов, авторы показывают подвижнический характер трудов таких личностей, как И. Н. Шатилов, Ф. Ф. Тиханов (в книге он ошибочно назван Тихоновым), Н. К. Генко, В. Е. Графф. Их упорство, самоотверженность в конечном итоге дали возможность получить хорошие результаты.

Рецензируемая книга на множестве примеров ярко показывает, что все эти люди, не владея такими понятиями, как экология, сукцессия или биогеоценоз, фактически были образованнейшими экологами-профессионалами. Вспомним, как тщательно выбирал места под посадки Фокель, с какой придирчивостью и продуманностью учитывали множество экологических факторов К. Ф. Тюрмер, А. Е. и Ф. А. Теплоуховы, Ф. Ф. Тиханов и др. А чего стоит гениальное высказывание Б. И. Гузовского (взятое, кстати, эпиграфом к одной из глав) о том, что площадь должна постыть для создания на ней культур! Н. К. Генко еще в 80-х гг. прошлого века заложил основы учения о смене пород, сложившегося в законченную теорию трудами Г. Ф. Морозова.

В книге много цифрового и фактологического материала. Но не всегда ему дается объективная оценка, а часто авторы просто ее избегают.

Прежде всего, нужна реальная оценка лесопотребления ныне и 50, 100, 200 лет назад. М. Е. Ткаченко писал, что в 1945 г. объем отходов от лесозаготовок достиг всего объема лесопользования царской России в 1913 г. Средний ЦБК в сутки перерабатывает спелый лес с 40...50 га. Понятно, что объемы лесопотребления определяют и требуемые объемы лесовосстановления. С этих позиций книга дает благодатный материал для анализа и сопоставлений.

Авторы сосредоточили внимание на положительных результатах трудов русских лесоводов-опытников. Но ведь были (и очень часто!) неудачи. В книге показано, что из 26 тыс. десятин культур, созданных в Тульских засеках, уцелело менее половины. Лишь немногие опыты С. В. Алексеева в Архангельской области сохранились, как и культуры К. Ф. Тюрмера во Владимирской губернии. Сохранность культур в Бузулукском бору в те годы составляла 4,9 % (с. 142, 150). Понятно, что успехи бросались в глаза, производили впечатление. Однако на страницах «Лесного журнала» конца XIX в. есть немало данных о полных неудачах лесовосстановительных работ. Фактически мы судим сегодня о прошлом на основе лишь малой доли от того, что в этом прошлом было заложено. А имеем ли мы право сегодня на такие «успехи»? По оценкам М. К. Турского десятиная культура в степной зоне обходилась в 48 р. (в деньгах того времени), а И. С. Шафранова — в 120 р. и более, особенно при многократных уходах. В книге (с. 89) прямо сказано: «Почти 200-летний опыт в Тульских засеках показал, что сами по себе культуры, какими бы методами они ни создавались, не гарантируют в будущем господство в широколиственном древостое дуба». И здесь же приводятся примеры того, что ухода следует осуществлять в течение 30 лет. На с. 151 цитируют Б. И. Гузовского: «Дуб, как ребенок, нуждается в уходе». Но разве только дуб? В Бузулукском бору культуры сосны в течение, по крайней мере, двух классов возраста требуют многократных уходов и бесконечной защиты от вредителей. Ель в культурах Северо-Запада систематически обмерзает поздней весной, что делает ее

почти бесперспективной при искусственном лесовосстановлении, если не разработать специальных защитных мер.

Книга ясно дает понять, что созданный вопреки энергетически оптимальным законам смены пород искусственный (руководный) лес превращается на долгий срок — десятилетия — в дорогостоящего иждивенца. Конечно, даровой труд крепостных (с. 75). вылившийся в накопленные помещиками миллионы рублей, давали Штурму, Граффу, Тюрмеру и другим лесоводам возможность ставить многовариантные опыты, перевозить саженцы в контейнерах с жидкой глиной, сеять в грядки, высушивать дернину, производить посадку в «бурачках» и т. п. (Заметим, что идея посадки саженцев с армированной корневой системой известна в России уже более 100 лет: см., например, «Лесной журнал» за 1887 г., с. 516—517).

Но отсюда следуют и масштабы успешного воспроизводства лесов в то время. А. А. Казанский создал на Урале за 20 лет 400 га; в Лисинском лесхозе за 280 лет произведено чуть больше 4 тыс. га; в Бузулукском бору (рекорд!) за 100 лет сделана 31 тыс. га культур; К. Ф. Тюрмер за полвека посадил и посеял 6 тыс. га, а В. Е. Графф за 23 года — 156 га. До Великой Октябрьской социалистической революции на огромной территории Архангельской, Вологодской областей, Коми АССР и Карелии создано всего 9 тыс. га лесных культур. Все эти данные приведены на страницах книги. Культуры удавались, как правило, на небольших участках: в Казанских нагорных дубравах площадь участков составляла 0,27... 5,5 га, делянки С. В. Алексева в Архангельской области имели площадь 0,5... 8,0 га.

Авторы не указывают (да это и не входило в их задачу), что подавляющее большинство попыток реализовать любой из самых лучших способов создания культур в промышленных масштабах на сотнях и тысячах гектаров (или десятин) оканчивалось неудачно. Книжки «Лесного журнала» повествуют об этом достаточно убедительно.

А для нас это крайне важно, поскольку в далеком и недалеком прошлом у многих возникал (да и сейчас сохраняется) соблазн создавать культуры в гигантских масштабах, опираясь на удачные мелкоделянчные опыты и полностью игнорируя гораздо более масштабные неудачные. Именно на таком подходе основана вся идея садового выращивания леса в виде плантационных культур.

Известные марийские гары 20-х гг. восстанавливали многократно, но они так и остались в большинстве своем пустырями. Рецензент наблюдал гибель сосновых культур 1... 20-летнего возраста в Бузулукском бору и Ленинградской области на сотнях гектаров, а в Коми АССР и в Архангельской области — на тысячах гектаров. Так и не удалось в хозяйственно значимых масштабах использовать опыт выращивания лиственницы в Линдуловской роще: многие культуры погибают от мериоза в течение первых же трех лет.

Поэтому нельзя разделить ряд неоправданно оптимистичных утверждений авторов книги в предисловии и в последней главе. На с. 211 они пишут о лесовосстановительных работах, проделанных якобы на 11 млн га, причем на 40 % этой площади — посевом и посадкой (что делалось на 60 % — неясно). Проверить эти цифры невозможно, но из собственных наблюдений и многочисленных материалов периодической печати последних 2... 3 лет нам известно, что лишь незначительная доля культур реализовалась в молодняки, а подавляющее большинство погибло, хотя огромные площади, например, на Севере числятся культурами, не подлежащими списанию, и призваны демонстрировать в отчетах «успехи» лесовосстановления. А на их месте — пустыри или в лучшем случае лиственные молодняки. Убытки даже невозможно подсчитать.

Так что, в современных условиях, создавая гектары культур, надо отчитываться за полученные кубометры, хотя к этому лесное хозяйство и не приучено.

На с. 235 (и выше) авторы книги справедливо отмечают низкое качество и сохранность культур, но объясняют это весьма спорными, на наш взгляд, причинами: отсутствием уходов, нормативов и показателей качества, низким уровнем механизации. Вопрос надо ставить глубже: почему нет нормативов, почему не проводятся уходы? Что же касается механизации, то, пожалуй, именно она ведет к многим неудачам. Почему?

Причины неудач массового производства культур однозначны: то, что можно сделать на делянке, на гектаре, даже на десятке гектаров, нельзя с тем же результатом и качеством воспроизвести на тысячах гектаров. Нереально сажать каждое дерево в специально вырытую ямку и ухаживать за ним десятки лет, если этих деревьев миллионы. Нереально было и сто лет назад, тем более — теперь. Методы индивидуального и массового производства не могут быть одинаковыми. Вот почему Линдуловская роща, культуры Тюрмера, Граффа, Тиханова, Алексева навсегда останутся уникальными неповторимыми шедеврами.

В течение многих десятилетий утверждалось (и авторы книги придерживаются тех же взглядов) экологически и экономически наивное представление о том, что достаточно заменить меч Колесова или лопату Эггера семидесятисильным трактором с тремя сажалками в агрегате, а серп и топор — самолетом с арборицидной начинкой, и мы успешно воспроизведем на миллионах гектаров то, что делали на десятках.

Машина не позволяет выбирать и думать. Она требует унификации не только собственных узлов, но и посадочного материала, почвенно-грунтовых и гидрологиче-

ских условий. Природа «конструировала» себя иначе. Создавая культуры на громадных площадях, мы фактически пытаемся воспроизвести сосну и ель там, где естественно они сами никогда бы не выросли из-за объективных биологических процессов. И машина здесь не поможет. Переломить природу можно, но надо же считать, во что это встанет. Когда культуры созданы «не там» и забыты, то на тысячах гектаров их ждет та же судьба, что и на мелких делянках. В рецензируемой книге примеров тому множество, в чем ее особая ценность. Нельзя забывать, что в результате многолетних сплошных концентрированных рубок резко изменилась вся экологическая обстановка в Гослесфонде. Если раньше культуры прекрасно удавались на старопахотных землях, то ныне здесь они заранее обречены на гибель от корневой губки. Сплошное оголение больших площадей привело к мощному нарастанию потенциала «сорняков», распространению хруща и других насекомых, к эпифитотиям грибных болезней.

И если у старых русских лесоводов $1/5 \dots 1/3$ сделанных культур реализовывалась в рукотворный лес, то это было победой над природой. Победой разума и труда! В современных масштабах такое соотношение есть крупное поражение, чреватое огромными убытками.

Рецензент далек от мысли выступать против лесных культур вообще. Но из рецензируемой книги важно понять главное: лесовосстановление прошлого было сугубо дифференцированным, и лишь поэтому могло быть результативным. Ныне дифференциация становится еще более необходимой. Она должна проявляться даже в том, что создание средообразующих насаждений на юге допускает и требует больших затрат и превращения их в иждивенцев хозяйства: экономика сельского хозяйства диктует условия. Воспроизводство на этой же основе сырьевой базы промышленности заведомо нереально и экологически, и экономически.

Поэтому главное, чему учит книга (может быть, помимо воли авторов), — гигантомания недопустима. Объемы производства культур надо резко сократить, но зато каждый созданный участок должен быть «попаданием в десятку». На Севере в основу лесовосстановления могла бы быть положена, например, типология вырубок И. С. Мелехова, позволяющая создавать культуры в одних случаях, но отказываться от них — в других. Сегодняшний лесовод должен уметь «читать» любую площадь на языке экологии.

В заключение следует поблагодарить авторов книги, редакторов, рецензентов, издательство за преподанный нам урок лесоводства.

Г. В. Стадницкий

Ленинградский технологический институт ЦБП

УДК [630*17 : 582.632.1] : 630*181.2(470.2) (049.3)

НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ КНИГА*

Актуальность и необходимость биологических исследований северных регионов страны были определены акад. В. Н. Сукачевым в 1921 г. Еще тогда он наметил обширную программу глубоких исследований тундр, лугов, лесов и болот с точки зрения жизни и эволюции их растительных сообществ.

В этом отношении монография В. И. Ермакова уникальна и заслуживает большого внимания. Объектами исследования были березы, произрастающие в регионе, вытянутом по меридиану от юга Карелии до Кольского побережья Баренцева моря, с большим разнообразием экосистем и лесорастительных условий.

В книге освещены результаты изучения закономерностей микроэволюционного процесса видов и популяций березы в данном регионе, эколого-биологических особенностей этой породы, механизмов адаптации к экстремальным условиям среды, биологии, морфофизиологических и анатомических особенностей березы карельской.

Изучение состава и структуры северных популяций березы дало возможность автору установить, что они представлены деревьями двух основных видов: повислой и пушистой. Изучение смешанных древостоев позволило уточнить северные границы ареала березы повислой. Установлено, что доля ее участия в формировании березовых сообществ по мере продвижения на Север уменьшается, а березы пушистой — возрастает. Автор опирается на мнение многих исследователей, считающих березу повислую на Кольском полуострове лишь флористической редкостью.

Большое внимание В. И. Ермаков уделил изучению структурных адаптаций, которые, по его данным, затронули все морфофизиологические признаки рассмотренных видов березы. Адаптации были направлены на сокращение затрат на прирост стеблей и формирование мощной листовой поверхности. Большую роль в этом процессе играют

* Ермаков В. И. Механизмы адаптации березы к условиям Севера. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. — 144 с.